

8. М. Живов. Журнал «Книга и пролетарская революция», 1938 г., № 8 — 9. Певец германского народа.
9. Alexander Abusch. Die Literatur im Zeitalter grosser Entscheidungen. Literatur und Wirklichkeit. Beiträge zu einer deutschen Literaturgeschichte. Aufbau-Verlag Berlin, 1953, с. 83—91.
10. A. Abusch. I. R. Becher-Dichter der Nation und des Friedens () S. 192—197, 212—219.
11. «Neue deutsche Literatur» № 3, 1957.
Aufbau-Verlag Berlin. Alexander Abusch.
Die Geschichte und Gegenwart unserer sozialistischen Literatur. (133—140).
12. Heinrich Mann, Publizistische Schriften, Moskau, 1951. **111**
13. «Мое время». Новый мир, 1955, № 10, стр. 233 — 234.
14. А. Л. Григорьев. Октябрьская революция в творчестве прогрессивных зарубежных писателей. Издательство «Знание», Москва, 1957 г.
15. Томас Манн. «Приветствие в связи с 25-летием Великой Октябрьской социалистической революции». «Интернациональная литература» № 11 за 1942 год, стр. 113.

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. К. Л. ХЕТАГУРОВА

А. Бобылева,
студ. II к. истфилфака
Научн. рук. канд. филол. наук
М. А. Тахо-Годи

РОБЕРТ БЕРНС В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

В 1959 году исполняется 200 лет со дня рождения Роберта Бернса, великого шотландского поэта. К юбилею готовятся все прогрессивное человечество, которому дорог и близок Бернс с его пламенной любовью к свободе и верой в торжество справедливости.

Особенно широко это событие будет отмечаться в Советском Союзе, так как русскую литературу и творчество Бернса связывают давние традиции. Бернс привлек к себе внимание и завоевал уважение передовых русских людей еще со времени Лермонтова, который первый перевел одну из его строф. С тех пор его переводили многие поэты и переводят в наше время.

Что же создало такую популярность Бернсу? Передовых людей всей Европы и России привлекало не только творчество, но и личность самого Бернса.

Сын бедного фермера, Бернс прошел трудный жизненный путь бедного шотландского крестьянина, и эта жизнь выработала в нем независимость и гордость, свойственную человеку труда. Он жил в то время, когда надвигающийся капитализм особенно разорил крестьян в Шотландии. Умный и образованный человек, Бернс хорошо понимал продажную политику правителей и в своих эпиграммах зло высмеял их и излил всю свою ненависть к знати. Он умел горячо любить простой народ, скромных тружеников, которых воспевал всю жизнь: «Героическая история родной страны влила в мою кровь ту любовь к шотландскому народу, которая будет кипеть в ней, покуда ее живой поток не остановится в моих жилах навеки».

Его творчество родилось на народной основе и дало народу новые, обработанные песни и стихи, настоящие перлы поэзии. Как и народному творчеству, его поэзии чужды изысканность и кокетничанье чувством. Его поэтический мир — простые парни и девушки, народные пляски, обычаи, горести и радости, труд и отдых. Он сравнивает своих героев с полевыми цветами, с гордостью говорит

Первый сборник стихов Роберта Бернса / Северно-Осетинский гос. пед. институт им. К. Л. Хетагурова — Фрунзенский, 1959. — 800. филологический — с. 141-143

«Об их красоте и превосходстве над знатными дамами. Все, что связано с родным народом, бесконечно дорого сердцу поэта. Глубоко чувствуется и любит он природу Шотландии. Каждый оттенок его переживаний находит в ней соответствующий отклик».

Опираясь на богатейший шотландский фольклор, Бернс неизменно насыщает свои баллады и песни злободневным революционным содержанием. При этом основной чертой для него остается вера в народ, его мужество и жажду свободы. Прекрасные, исполненные гуманного чувства строки записал он как-то в своем дневнике: «Мне кажется, что если бы я мог, я осушил бы все слезы на всех глазах». Но Бернс менее всего был только «великим утешителем». Почти тогда же он писал о свободе, как о бесценном сокровище, «которое стоит купить любой ценой». И в другом месте: «Будь мир устроен по-моему, в нем не было бы ни одного подлеца!»

У поэта, сумевшего выработать в себе столь независимые демократические взгляды, нашедшего в себе мужество не раз открыто выражать симпатии французской революции, не было недостатка в политических противниках. Правительственным кругам Бернс становился опасен, так как его идеи быстро-распространялись в народе. Нужно было подорвать авторитет Бернса, заглушать революционную сущность его творчества, и для достижения этой цели реакционные литературоведы не стеснялись никакими средствами.

Одни открыто клеветали на поэта, другие старались выставить его в выгодном для себя свете, признавая в нем поэта местного значения, стихийно талантливого, но необразованного. Но эти ложные утверждения не могли изменить отношения народа к Бернсу. Народ горячо любил своего поэта. Его жизнерадостные лирические и патристические песни сразу подхватывались и распевались простыми людьми Шотландии. Свободолюбивыми и революционными идеями поэзии Бернс заслужил уважение в лагере демократов. Его высоко ценили те, кто боролся против произвола и тирании.

Русские поэты-демократы 60-х гг. стали переводить и широко распространять стихи Бернса. Это не так легко удавалось. Цензура не дремала. Борьба за Бернса отразилась в переводах его произведений. Одни переводчики старались приблизиться к духу подлинника, другие искажали его содержание, притупляя политическую направленность. К первым можно отнести Курочкина и Михайлова — поэтов-демократов, ко вторым — представителей консервативно-либерального лагеря (Костомаров, Козлов).

О том, как расценивали Бернса одни и другие можно судить уже по выбору оригиналов. Если Курочкин переводит «Честную бедность», где особенно ярко отразились независимые настроения Бернса, а Михайлов — стихотворения, рисующие тяжелейшую крестьянскую жизнь («К маргаритке», «К полевой мыши», «Джон Ячменное зерно»), то Козлов, Костомаров, да и Минаев выбирают для перевода — «Кто там стучит так поздно в дверь?», «Видения», «Суб-

ботный вечер поселянина», стихотворения, в которых в духе сентименталистов идеализируется патриархальная сельская жизнь.

Наиболее отчетливо тенденции к переосмыслению творчества Бернса в консервативном плане выразилась в переводах Вс. Костомарова. Костомаров видел в Бернсе не гордого и смелого борца за человеческое достоинство, а смиренного певца «чистых и звонких песенок». Костомаров был твердо убежден в невозможности точного перевода Бернса, особенно в отношении формы. Что касается содержания, то он вкладывал в стихотворение смысл, соответствующий его взглядам и целям. Вот, например, какие слова он заставляет произносить Бернса в «Субботнем вечере поселянина»:

Премудрости начало — божий страх,
Лишь он один к стезе добра приводит;
Помолимся, чтоб в жизненных путях
Нас божий перст повсюду руководит...

Оказывается, что у него Бернс вполне доволен тем, что

«... встретим мы друг друга в жизни той,
Где больше нет ни слез, ни воздыханий,
Где будем петь все вместе в день святой
И где, в лучах небесного сиянья,
Свершится некогда блаженных душ слиянье».

Это, по существу, не перевод, а переделка, которую Костомаров назвал «серьезнейшим произведением Бернса». Бернс, который так осмыслял церковь, попов, суеверия и мистику, вдруг в переводах Костомарова заговорил тоном духовного наставника, утешителя, обещающего загробное блаженство земным страдальцам.

В стих «Честная бедность» Бернс утверждает человеческое достоинство бедняка, которого труд возвышает над богатыми бездельниками, а в переводе Костомарова голос поэта сменяется голосом проповедника из благотворительного общества:

«Бедняк, будь честен и трудись,
Трудись прежде всего...
Молитесь все, чтоб бог послал

Нам царствие его...»

У И. И. Козлова также наблюдается сглаживание острых моментов оригинала. Вот как он переводит одну из строф стих «Маргаритке, которую я принял своим плугом»:

Таков удел, о, дева, твой,
Когда невинною душой,
Ты ловишь нежные мечты;
Любовь страшна:
Как мой цветок, увянешь ты
В тоске, одна».

Бернс же хочет сказать своим сравнением девушки с цветком, что она погибнет не от любовной тоски, а от того, что «ее втопчут в грязь, лишь только заметят ее красоту». Козлов не хотел видеть истинных причин народных бедствий. Он не отрицал, что бедняку «нет приюта на земле», но зато он «отдохнет на небесах».

В противоположность подобным толкованиям творчества шотландского поэта, переводчики-демократы стремятся сохранить и донести до читателя, несмотря на все цензурные препоны, голос самого Бернса.

М. Л. Михайлов в стих. «К срезанной плугом маргаритке» не ссылается на «игру злого рока».

Таков удел в борьбе с нуждой

Всех добрых: гордостью людской

И злом на смерть осуждены,

Они несут —

Одних небес не лишены —

Кровавый труд.

Словами «одних небес не лишены» Михайлов дает понять всю тяжесть жизни трудового народа и бесстыдный обман, заключающийся в обещаниях райского блаженства, в то время, как богатые тунеядцы живут за счет кровавого труда несчастных крестьян.

Поэты-искровцы не раз обращались к наследию Р. Бернса. Самый талантливый из них, В. С. Курочкин, прославившийся как переводчик Беранже, интересовался и Бернсом, переводил его. По высказываниям самого поэта и по оценкам его творчества Добрылюбовым можно определить основные переводческие принципы Курочкина.

Главное — это то, что Курочкин использовал оригинал для проведения своих демократических мотивов сквозь рогатки цензуры. Недаром Д. Бедный писал о нем:

Прикрываясь усмешкой язвительной,

Балансируя на цензурном ноже,

Разъедал крепостную действительность

Мотивами Беранже.

Вероятно и песни Бернса Курочкин использовал с той же целью. Самый выбор оригинала был во многих случаях тесно связан с политическим моментом. Но говорить прямо, открыто в то время было невозможно. Курочкин часто заменял конкретные образы Бернса слишком общими понятиями (пер. стих. «Песня бедняка»). Замечая это, Добрылюбов писал об отсутствии в переводах Курочкина «силы и свободы выражения», присущей Бернсу; но «мы не обвиняем Курочкина: его перевод предназначался для русской публики и потому, кроме личного искусства переводчика, требовал еще соблюдения цензурных условий...» («Современник», 1858 г. № 12, стр. 212).

Опыт поэтов-демократов, переводчиков Бернса, как в области передачи подлинного смысла бернсовских стихов, так и в области поэтической формы, был использован и творчески продолжен советскими поэтами.

В советское время Бернса переводили Щепкина-Куперник, Багрицкий, Маршак.

Т. Л. Щепкина-Куперник по сравнению с предшествующими переводчиками сделала очень много для знакомства русских читателей с замечательным шотландским поэтом. Она первая дала Бернса на русском языке почти в полном объеме, не ограничившись, как упоминавшиеся переводчики, переводом отдельных стихов. Щепкина-Куперник хорошо владеет искусством слова. Переводя «Молитву святоши Вилли», она умело пользуется церковно-славянской терминологией для характеристики святоши, ханжи Вилли. Сама речь Вилли, без пояснений автора, безобидно определяет его как лицемера и льстеца.

Щепкина-Куперник старается дать Бернса как можно ближе к оригиналу, иногда ей удается почти дословный перевод (например, стих. «В горах мое сердце»). Но точное следование оригиналу невозможно. Русские слова длиннее английских, поэтому нарушается ритм оригинала, его размер, который играет у Бернса большую роль. В стих. «Любовь» нет лаконизма, жизнерадостной насыщенности ритма, и простое, земное чувство сменяется образом «неземной любви».

O my Luv'e's I like red, red rose

That's newly sprung in June:

O my Luv'e's like the melody

That's sweetly play'd in tune.

Любовь моя — алая, алая роза,

В июньский расцветшая зной,

Любовь моя — нежная, нежная песня,

Мелодии звук неземной.

Э. Багрицкий очень своеобразно подошел к задаче перевода. Он перевел немногие стихотворения Бернса — «Джон Ячменное зерно», «Веселые нищие», но и по ним можно судить о манере его перевода. Большей и талантливый поэт, Багрицкий слишком субъективен в своих переводах. Багрицкий находил в мужественных героях Бернса близкие своей поэзии образы. Он не вытравлял из «Веселых нищих» их дерзкое свободолобие. Но о «Веселых нищих» Багрицкого трудно говорить, как о переводе. Индивидуальная художественная манера Багрицкого, его собственное мироощущение часто заслоняют идеи и чувства Бернса. В балладе «Джон Ячменное зерно» конкретная мысль Бернса о нестибающемся угнетении народа, сопротивляющегося угнетению и насилию, подменяется «абстрактно-вакхическим пафосом пива, пафосом жизнепрития вообще» (А. Твардовский).

Кто горьким хмелем упоен,

Увидел в чаше дно —

Кричи:

— Вовек прославлен Джон

Ячменное зерно!

«Меня будут помнить и любить и через сто лет», — писал Бернс. И он не ошибся. Через сто пятьдесят лет, после его смерти русские читатели получили замечательную книжку его стихов в переводах

Маршака, в которой перед ними впервые предстал настоящий Бернс, заслуживший любовь нашего народа.

Если прежние отдельные переводы могли дать лишь некоторое представление о поэзии Бернса, то Маршак знакомит нас с самим Бернсом, не только с ритмом, строем его стиха, но и с душой его поэзии. Поэтому следует остановиться подробнее на анализе переводов С. Я. Маршака.

Форма стиха Бернса ближе всего к народной шотландской балладе и лирической песне. Он и сам всегда подчеркивал эту народно-песенную стихию своей поэзии, часто писал стихи на мотивы старинных шотландских песен. Действительно, стихи Бернса настолько плавны и музыкальны, что их даже издавали с указанием мелодии к каждому стихотворению (напр., Song: Tune — «J am man unparried»; song «From thee Elisa J must go». Tune «Gilderoy»).

Переводчику Бернса, очевидно, нужно было обратить особое внимание на эту сторону поэзии Бернса.

Маршаку превосходно удаются переводы лирических стихотворений Бернса с характерными для них повторениями и припевами: «Не пойдешь ли, милый друг, милый друг,

Милый друг,
Не пойдешь ли, милый друг,
К березам Эберфельди?
Холмы, смеясь, уходят вдаль,
Ручей играет, как хрусталь,
Забудем горе и печаль
В зеленом Эберфельди».

Картины природы рисуются чистыми и живыми красками, создается впечатление оригинальных стихов — настолько легко и красиво звучат переводы:

Цветут цветы над крутизной,
Поток сверкает белизной,
Кропя, как дождь, в полдневный зной
Березы Эберфельди.

Немногими совсем простыми словами, без лишних украшений, Маршак создает полную драматизма картину:

Полночный час угрюм и тих,
Лишь гром гремит порой.
Я у дверей стою твоих,
Лорд Грегори, открой...
Но тот не помнит прежних дней,
Чье сердце из кремня.
Так пусть же у твоих дверей
Гроза убьет меня.

Ритм этих стихов сам собой переходит в мелодию песни.

Маршак не просто фотографирует подлинник, он творчески воссоздает его на материале русского языка, он бережно относится к каждому слову оригинала, к его ритму, рифме, интонации. Вот он переводит «Песню раба-негра». От его внимания не ускользает ни

внутренняя рифма, придающая еще большую музыкальность стиху, ни меняющийся размер, который как нельзя лучше передает настроение раба-негра:

В милом знойном Сенегале в плен враги меня забрали
И отправили сюда за море синее.

И тоскую я вдали от родной своей земли
На плантациях Виргинии, Виргинии.

О, я так устал, я так устал,
Мой прекрасный, мой далекий Сенегал!

Удивительно умение Маршака точно передать стихотворный размер... кажется, что Маршака вовсе не затрудняет несоизмеримость языковых элементов. Вот примеры такого мастерства переводчика:

1) Humid seal of soft affection,
Tend'rest pledge of future bliss,
Dearest tie of young connection,
Love's first snow — drop, virgin kiss.

Влажная печать признаний,

Обещанье тайных нег —

Попелуй, подснежник ранний,

Свежий, чистый, точно снег.

2) O my Luve's like a red, red rose

That's newly sprung in June:

O my Luve's like a melody

That's sweetly play'd in tune.

Любовь, как роза, роза красная,

Цветет в моем саду,

Любовь моя, как песенка,

С которой в путь иду.

Маршак не допускает небрежности в обращении с подлинником: там, где это нужно, он повторяет два-три раза одно и то же слово или фразу, следуя подлиннику. Стараюсь дать дословный перевод, там, где это не в ущерб смыслу стихотворения, он заменяет несколько английских слов одним русским словом или синонимичным словосочетанием. От этого ничуть не страдает красота подлинника, она даже доступней становится русскому читателю: так, английскую строку он переводит «Обещанье тайных нег», и это, конечно, принижает достоинства оригинала. (Tend'rest pledge of future bliss).

А вот отрывок из произведения «Тэм О'Шентер»:

Ah, gentles dames! its gars my greet,
To think how many cou less sweet,
How many lengthen'd sage advices,
The husband frae the wife despises?

Он так же живо выглядит на русском языке:

О жены! Плакать я готов,
Припомнив, сколько мудрых слов

Красноречивейшей морали

Мы без внимания оставляли...

Такая легкость воспроизведения чужой поэзии средствами родного языка свидетельствует о свободном владении русским языком, о знании переводчиком языка простого народа. Иначе как бы могли появиться такие выражения в речи бернсовской Кэтти:

Бездельник, шут, пропойца старый,

Не пропускаешь ты базара,

Чтобы не плюхнуться под стол...

Чтоб ногу подковать кобыле,

Вы с кузнецом две ночи жили.

Ты в праздник ходишь в божий дом,

Чтобы потом за полной кружкой

Ночь просидеть с церковным служкой

Или нарезаться с дьячком.

Маршак нигде не навязывает. Бернсу своего поэтического «я»: он чутко улавливает интонацию и средствами своего языка выражает то, что хотел сказать Бернс. Он переводит «Молитву святого Вилли», и из-за строк баллады мы видим умное и насмешливое лицо Бернса, который с тонкой иронией вкладывает в уста самого Вилли уничтожающую характеристику его же собственную сущность. Комизм образа еще больше усиливается употреблением церковно-славянизмов, когда речь идет о самых низких качествах Вилли.

Я твоего достоин гнева

Со дня, когда покинул чрево.

Ты мог послать меня налево —

В кромешный ад,

Где нет из огненного зева

Пути назад...

Но, может, страсти плоти бренной

Во мне бушуют неизменно,

Чтоб не мечтал я дерзновенно

Жить без грехов.

О, если так, я их смиренно

Терпеть готов».

У Бернса есть стихотворения, построенные целиком на диалогах («Нэнси», «Финдлей», «Ночной разговор» и др.) или монологах. Здесь нужна особая чуткость, чтобы создать различные характеры с помощью интонации, подбора слов каждому действующему лицу. У Маршака получаются живые сценки, кажется, что мы слышим голоса различных действующих лиц:

Нет ни души живой вокруг,

А на дворе темно.

Нельзя ль к тебе мой милый друг,

Пролезть через окно?

— Благодарю тебя за честь,

Но помни уговор:

Ко мне одна дорога есть —

Через церковный двор!...

Маршак как будто совсем не затрудняет богатство строфики и щедрость рифмовки Бернса, требующие «виртуозной техники». Это отмечает один из исследователей творчества Маршака — Б. Галанов, анализирующий строфику перевода стихотворения «Новогодний привет старого фермера его старой лошади». Стихотворение написано шестистрошной строфой, в которой три первые строчки рифмуются между собой и с пятой строкой, а четвертая, — короткая, рифмуется с шестой, такой же короткой.

Привет тебе, старуха-кляча,

И горсть овса к нему в придачу.

Хоть ты теперь скелет ходячий,

Но ты была

Когда-то лошадыю горячей

И рысью шла.

Переводчику, рифмующему первые три строки, постоянно нужно предвидеть пятую, как шахматисту, делающему сложный ход. Не случайно один из переводчиков Бернса Д. Минаев, чтобы упростить задачу, рифмовал первую строку со второй, а третью с пятой (в стихотворениях с полевой мыши и маргаритке), хотя нарушение размера лишало стихи того своеобразного очарования, которое заключено в самом размере бернсовских стрóf. Напротив, Маршак в своих переводах строго придерживается строфики подлинника, и читателю, должно быть, и в голову не приходит, чтобы создать такие легшие преодолеть поэту-переводчику, чтобы создать такие легкие стихи, пользуясь такой сложной строфикой.

Стихи Бернса даже в переводе не теряют звучности, богатства аллитерации:

Нет в мире кинжала

Острее, чем жало

Безжалостной женщины — Шелы О'Нил!

Они передают и напевную песенную ритмику:

Ты меня оставил, Джеми,

Ты меня оставил,

Навсегда оставил, Джеми,

Навсегда оставил... —

и буйную плясовую:

Так весело,

Отчаянно

Шел к виселице он.

В последний час

В последний пляс

Пустился Макферсон.

В них бьет через край мятежная энергия:

К чёрту тех, кого законы
От народа берегут.
Тюрьмы — трусам оборона,
Церкви — ханжеству приют!

(«Веселые нищие»).

В них сохраняется сила сатирической насмешки:

У деревца хотел Бурбон
Подрезать корешки, брат,
За это сам лишился он
Короны и башки, брат!»

(«Дерево свободы»).

Маршак впервые дал русскому читателю в достаточном объёме эпиграммы Бернса, переведённые с меньшим мастерством, чем лирика. Маршак стремится сохранить колющее острое эпиграммы, блеск бернсовских острот, иногда опускает незначительные детали.

That there is falsehood in his looks

I must and will deny.

They say their masters is a knave

And sure they do not lie.

Нет, у него не лживый взгляд.

Его глаза не лгут.

Они правдиво говорят,

Что их владетель — плут.

(К портрету духовного лица).

В переводе переставлены строки (четвертая на вторую):

Сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным заменено двумя простыми предложениями и добавлено слово «правдиво», но размер и ритм стиха сохранены.

Through and through the inspired lives

Ye, magets, make your windings,

But oh! Respect his lordship's taste

And spare the golden bindings.

У Бернса форма повелительного наклонения выражает побуждение к действию второго лица. У Маршака эта форма заменяется сочетанием существительного и глагола в будущем времени, которое выражают побуждение к действию третьего лица:

Пусть книжный червь — жилец резного шкафа —

В поэзии узоры прогрызет,

Но, уважая вкус владельца - графа,

Пусть пошатит тисненый переплет!

(Книжный червь).

If you rattle along like your mistress tongue

You speed will outrivel the dart.

But a fly for your load

You'll break down on the road

If your stuff be as rotten's her heart.

Маршак не принимает во внимание третью строку и вставляет такие слова, как «оси колес», «таратайка». Несколько меняется такой предлог, но образ передан очень живо:

Как твоя госпожа, ты трещишь, дребезжа,

Обгоняя возки, таратайки,

Но слетишь под откос, если оси колес

Ненадежны, как сердце хозяйки!

(Ярлычок на карету знатной дамы).

Эти примеры показывают, что Маршак не стремился к буквальности перевода. Дословность у него не является самоцелью: ему важно сохранить на русском языке живость образа, остроту мысли подлинника, которые он передает сообразно с нормами русского синтаксиса. Творческое отношение к подлиннику очень важно для переводчика, оно делает его не подражателем, а сотворцом.

Творческие отступления от текста есть и в переводе поэмы «Тэм О'Шентер». В подлиннике всего 228 строк, у Маршака получилось 226. Иногда он заменяет косвенную речь прямой:

O Tam! had'st you but been so wise,

As ta'en thy ain wife Kate's advice!

She told thee weel thou was a skeelum,

A blethering, blustering, drunken blellum,

That from November till October

A blethering, blustering, drunken blellum,

О, Тэм! Забыл ты о совете

Своей супруги — мудрой Кэтти.

А ведь она была права...

Припомни, Тэм, ее слова:

«Бездельник, шут, пропойца старый...»

В этом отношении удачнее перевод Костомарова:

Ты, Тэм, глупее всех на свете,

Ты пренебрег советом Кэтти!

Не говорила ли она, что ты пивной котел без дна...

В стих. «Любовь» Маршак, следуя за подлинником, использует повтор. Но у Бернса повторено слово «ged», что подчеркивает яркость и живость образа любви, а у Маршака слово «роза», и употреблено оно дважды, просто для сохранения ритма. Но эти мелочи не мешают Маршаку передать бернсовские образы во всей их ясности и отчетливости.

В каждой строчке переводов Маршака мы ощущаем обаяние щедрой и великодушной натуры самого Бернса, — он сам как бы стал героем книжки переводов, так любившейся нашим читателям.

Роберт Бернс — один из любимейших зарубежных поэтов советского читателя. Мы знаем его стихи в переводах наших поэтов, мы поем его песни, переложённые на музыку советскими композиторами (цикл романсов Г. Свиридова). На родине Бернса побывали советские поэты (Алексей Сурков, написавший цикл стихов о

Шотландии) и советские литературоведы (А. Елистратова — автор последней крупной монографии о творчестве Роберта Бернса). Интерес советских людей к творчеству великого народного поэта и к жизни его страны свидетельствует о стремлении к дружбе и культурному сотрудничеству с прогрессивными силами всех стран. Английский писатель Джек Линдсей, выступая на Втором Всесоюзном съезде советских писателей в Москве в 1954 г., отметил это желание советского народа жить в мире и дружбе с народами мира, хранить культурные традиции передовых поэтов Англии и Шотландии: «Я увидел в Советском Союзе глубокий, проникнутый дружеским расположением, интерес к культуре английского народа. Я вижу, что количество переводов произведений английских писателей растет... Каждое новое звено, укрепляющее культурные связи между нашими странами, должно помочь английскому народу в его борьбе за национальную независимость и лучшую жизнь».

БИБЛИОГРАФИЯ

I

- Poetical works of R. Burns, London, publ. by Jones and Co, 1826.
R. Burns, Poems; in: Gleanings from the english poets. Ed. by R. Inglis, Edinbourg — London.
Anthology of verses old and new. M., 1947.
A selection of english poems classical and modern. M., 1952.

II

- Сборник «Поэты всех времен и народов», изд. Костомаровым и Бергом, СПб, 1862.
В. С. Курочкин. Соорание стихотворений. Под ред. Тынянова, 1947.
Р. Бернс. Стихи. Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.
Э. Багрицкий. Избранное. М., 1948.
Роберт Бернс в переводах С. Маршака. М., ГИХЛ, 1957.

III

- А. Елистратова. Роберт Бернс. М., ГИХЛ, 1957.
Б. Галанов. Мастерство переводчика. М., 1954.
К. Чуковский. Искусство перевода. М., 1956.
А. Анкет. История английской литературы. М., Учпедгиз, 1956.
З. Гражданская. С. Артамонов. История зарубежной литературы XVIII века. М., Учпедгиз, 1956.
М. Морозов. Роберт Бернс. (В кн. М. М. Морозов. Избранные статьи и переводы, М., ГИХЛ, 1954.)
А. Твардовский. Роберт Бернс в переводах Маршака, «Новый мир», № 4, 1951.
А. Сурков. Шотландские мотивы. «Литгазета», 22 декабря 1956.
М. Соколовский. Поэты и композитор. Заметки о вокальных циклах Георгия Свиридова. «Литгазета», 23 августа 1956 г.
Джек Линдсей. Ответ на анкету «Литературной газеты». («Литгазета» 14 декабря 1954 г.)